

В. А. Прищепова

**ОТ ЛЕРХА ДО ЗАРУБИНА.
ИЗ ИСТОРИИ КОЛЛЕКЦИЙ КУНСТКАМЕРЫ
ПО КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ТАДЖИКИСТАНА**

В предлагаемой публикации рассматривается история формирования таджикских этнографических коллекций в собраниях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ) РАН. Фонд отдела этнографии народов Центральной Азии МАЭ сложился из разных источников и охватывает период с конца XIX в. — до современности. Собрание отличается разнообразием по составу коллекций, их тематическому диапазону, позволяет ознакомиться с деятельностью многих исследователей региона, сотрудничество с которыми помогло создать современный комплекс музейных материалов по региону.

Статья посвящена характеристике и сложным судьбам коллекций МАЭ по традиционной культуре народов Таджикистана конца XIX — начала XX в. В предлагаемой работе автор, не претендуя на полноту и всесторонность освещения вопроса, стремился выявить и охарактеризовать основные этапы в формировании коллекций по культуре ираноязычных народов Средней Азии, дать оценку деятельности наиболее интересных собирателей. В настоящее время это собрание составляет одну из основных частей вещевого и иллюстративного фонда отдела.

Благодаря деятельности сотрудников и собирателей академический музей в рассматриваемый период сыграл важную роль в изучении и сохранении предметов культуры и быта народов региона, постоянно пополняя свои фонды новыми поступлениями, зачастую благодаря целенаправленным исследованиям. В первые годы своего существования музей являлся лишь хранилищем памятников традиционно-бытовой культуры. Впоследствии отдел Средней Азии и Казахстана стал научным центром, который во многих случаях руководил этнографическими изысканиями по региону, тем самым играя важную роль в сохранении культурного достояния народов

Таджикистана. В современных условиях, когда возрос интерес к судьбам культурного наследия народов, изучение истории собирательской деятельности музея имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В эпоху интенсивных изменений во всех областях деятельности человека музейные коллекции являются важнейшим источником для исследования различных аспектов традиционной культуры. Описание этнографических коллекций МАЭ по народам Таджикистана — это прежде всего характеристика деятельности собирателей, исследователей, любителей, среди которых были малоизвестные и даже безвестные люди.

В рассматриваемый период смешанное по языку и культуре оседлое население крупных городов не всегда подразделяли на таджиков и узбеков¹. В конце XIX — начале XX в. коллекции по таджикам и узбекам, как правило, регистрировались в документах как материалы по этнографии так называемого оседлого населения Средней Азии. Во многих случаях именно так называли первые отечественные исследователи региона смешанное таджико-узбекское население городов, особенно Самарканда и Бухары. В редких случаях в описях коллекций указывалось, что одни предметы были собраны среди таджиков, другие — среди узбеков.

Ираноязычные таджики — древние коренные жители региона, проживавшие преимущественно в городах, их главным занятием было земледелие. Традиционно таджики составляют ядро населения Бухары и Самарканда. Население многих таджикских областей смешанное.

Оседлое население Средней Азии в музейных документах конца XIX — начала XX в. часто обозначали также словом «сарты». В Российской империи сарты выделялись как особый этнос. Это название употреблялось по отношению к некоторым группам населения Средней Азии из оседлых узбеков и отчасти равнинных таджиков. В российской историографии отмечалось, что антропологически сарты очень похожи на таджиков, при этом во внешности иногда присутствовали некоторые черты монголоидности. Регионально сарты подразделялись на бухарцев, самаркандцев, ходжентцев, дарвазцев и др. В 1886 г. был выпущен даже русско-сартовский разговорник².

Спорный до настоящего времени термин «сарт» выдающийся ученый-иранист И. И. Зарубин еще в 1925 г. объяснял так: «Это уже

до узбеко-турецкое (т. е. тюркоязычное. — В. П.) по языку иранское по происхождению население, называвшееся и называемое и поныне узбеками и казаками (имеются в виду казахи. — В. П.) именем сартов, нигде не создало для себя особого этнического определения»³. В советской историографии сарты как обособленный этнос не выделялись.

В наше время история имени «сарт» продолжает вызывать интерес исследователей. По мнению С. Н. Абашина, посвятившего «проблеме сартов» специальную работу, сарты являются тюркоязычными иранцами⁴.

В традиционном образе жизни между оседлым населением, сартами и таджиками было много общего. Поэтому к музейным коллекциям по традиционной культуре таджиков относятся как дореволюционные собрания по оседлому населению Средней Азии, так и по сартам, по тематике и в количественном отношении представленные достаточно полно.

* * *

Интерес к документам и вещественным памятникам прошлого народов региона появился в музее еще в XVIII в. Поступления коллекций по культуре ираноязычных народов Средней Азии в первый русский музей — Кунсткамеру, наследником коллекций которой стал МАЭ, относятся к первой половине XVIII в. Это было «Собрание редкостей Каспийского моря», которое обнаружили в 1716—1718 гг. в языческих молельнях на «восточном краю Каспийского моря в стране Самарканд», а также «прелюбопытное собрание идолов», всякого рода жертвенная утварь, ветхие неразборчивые рукописи на пергаменте и другие предметы⁵. Предположительно эти коллекции доставила военно-топографическая экспедиция под командованием Александра Бековича-Черкасского. Ее участники совершали длительные разведки вглубь континента в поисках удобных гаваней на Каспии и старого русла Амударьи и приобрели значительное количество памятников культуры.

Сведения о первых поступлениях вещевых коллекционных предметов по ираноязычным народам Средней Азии содержатся в первом

печатном каталоге 1741 г. Кунсткамеры⁶. В нем среди имевшихся в музее до пожара 1741 г. азиатских коллекций упоминаются никак не аннотированные «бухарские башмаки». Однако вследствие утрат ни одна из коллекций или разрозненных экспонатов XVIII в. не вошли в состав современного собрания музея по региону.

По сообщению первого хранителя МАЭ Федора Карловича Русова, сорок лет проработавшего в музее и досконально знавшего его многочисленные коллекции, во второй половине XIX в. происходит большой приток этнографических предметов в фонды МАЭ⁷. Ф. К. Руссов указывал точные сведения о времени поступления коллекций и имена собирателей. Так, в 1867 г. известный ориенталист, один из первых археологов, изучавших древности Средней Азии, Петр Иванович Лерх подарил музею предметы из Хивы и Бухары⁸. Однако вещи из Хивы и Бухары указанного периода обнаружить не удалось. Они могли быть зарегистрированы позже, при этом имя собирателя было упущено или забыто. В настоящее время поступление от П. И. Лерха, если оно не утрачено, невозможно выделить среди многих коллекций.

Во второй половине XIX в. одновременно с приобретением вещевых коллекций, музей начал формирование иллюстративного фонда, в том числе по ираноязычному населению Средней Азии. Иллюстративный материал включает в себя фотоколлекции (отпечатки и негативы, стеклянные и пленочные), открытки, рисунки, чертежи, эстампажи. Огромную ценность представляют коллекции фотографий, отражающих различные аспекты повседневной жизни народов Таджикистана.

Оседлое население отражено в иллюстративных коллекциях по разным районам. Наиболее полными в количественном отношении и по разнообразию тематики являются изображения по населению Бухары и Самарканда. Значительно меньше материалов по Сырдарьинской и Ферганской областям. В отдельных случаях присутствуют единичные экспонаты по Андижану, Коканду, Маргелану, Ошу, Аулие-Ате, Казалинску, Пскенту, Ташкенту, Ходженту, Чарджую, Чимкенту. Однако основное число иллюстраций по оседлому населению, к сожалению, не содержит точных указаний на географическую принадлежность.

Иллюстративные коллекции по оседлому населению тематически характеризуются изображениями, связанными с традиционными занятиями, земледелием, хлопководством, шелководством. В фото-материалах нашло отражение множество видов местных ремесел. В музее хранятся снимки базаров, караван-сараев, портреты типажей местных купцов, лавочников, мелких торговцев.

Среди иллюстративных коллекций по оседлому населению содержится значительное количество изображений, связанных с жизнью городов, их архитектурными памятниками, а также сельских поселений, видов кишлаков, на некоторых рисунках и снимках показано внешнее и внутреннее устройство домов. Довольно полно представлена одежда, мужская, женская и детская. Зафиксированы практически все социальные слои: от нищих, крестьян, ремесленников, богатых людей, актеров, военных, мусульманского духовенства до представителей верховной власти. В фонде имеются изображения различных видов традиционного транспорта, фотографии с демонстрацией некоторых блюд национальной кухни, снимки, на которых зафиксированы религиозные обычаи, обряды, портреты мусульманских правоведов, мулл, дервишей. В эти коллекции входят также изображения традиционных игр и развлечений (показаны детские игрушки, народные гуляния и т. п.), а также по народной медицине. Отдельно таджики и узбеки представлены на незначительном количестве фотографий и к тому же без уточнения территориального происхождения коллекций.

* * *

Длительное время фонды МАЭ за неимением средств пополнялись за счет редких даров из тех районов, где работали русские экспедиции. Малочисленность собраний МАЭ по региону была связана не только с отсутствием специалистов по Средней Азии, но и с тем, что при Этнографическом отделении Императорского Русского географического общества был устроен Этнографический музей, куда и поступала большая часть собранных в путешествиях материалов. Этнографический музей РГО сыграл большую роль в будущем умножении собраний МАЭ. Этот сравнительно богатый музей начал с 1891 г. передачу коллекций в МАЭ.

В этом же году часть коллекций из РГО была размещена и выставлена для обозрения. Это стало значительным событием в жизни МАЭ, который сразу обогатился собранием, насчитывавшим свыше двух с половиной тысяч предметов, среди которых были коллекции, собранные известными путешественниками и исследователями, выезжавшими по заданию Географического общества в отдаленные и малоизученные районы Средней Азии и Казахстана. Собрание это было по достоинству оценено Академией наук, в отчете которой констатировалось: «Вследствие состоявшегося <...> слияния в одно целое коллекций, которые до тех пор сосредоточивались в двух местах, МАЭ фактически сделался для России Музеем по этим (этнографическим. — В. П.) наукам»⁹.

К сожалению, большинство коллекций, переданных РГО, не было аннотировано, и в наши дни трудно порой установить их географическое происхождение и этническую принадлежность. Уже во время их передачи в МАЭ высказывалось предположение о возможных сложностях в этом плане, так как в сопроводительных бумагах РГО, адресованных Ф. К. Руссову, говорилось о готовности «посильно помочь <...> в разработке этнографической коллекции, принесенной Географическим обществом <...> в дар Академии», а также то, что «быть может при разработке канцелярского архива будут найдены и дополнительные сведения»¹⁰. Однако передача коллекций РГО растянулась на годы. В 1907 г. этим продолжал заниматься С. Ф. Ольденбург, о чем свидетельствует, в частности, такое его распоряжение: «Прошу принять присланные из Географического общества предметы и выдать соответствующую расписку по числу мест»¹¹.

В 1884 г. в музей РГО поступили этнографические предметы, присланные Иоанном-Альбертом Эдуардовичем Регелем (род. в 1845 г.) из Бальджуана (Таджикистан): музыкальные инструменты и предметы быта в количестве около тридцати вещей. Одновременно в Горный институт собиратель отправил коллекцию минералов. По замыслу И.-А. Э. Регеля, этнографическая коллекция предметов из района Шугнана предназначалась в дар МАЭ, и лишь по недоразумению она попала в музей РГО. Вскоре ее передали в Академию наук. К сожалению, в настоящее время из всей коллекции сохранились лишь музыкальные инструменты¹².

И.-А. Э. Регель был сыном директора Ботанического сада в Петербурге. После окончания Дерптского университета в 1876 г. он был назначен окружным врачом в Кульдже. Тогда же (1877—1878 гг.) он начал предпринимать ежегодные длительные поездки по Кульджинскому краю и Туркестану с целью географических исследований и сбора ботанических коллекций. П. П. Семенов-Тянь-Шанский характеризовал И.-А. Э. Регеля как «способного, хорошего путешественника и внимательного наблюдателя»¹³. Не имея средств, И.-А. Э. Регель обращался в РГО с просьбой об оказании ему материальной помощи в осуществлении экспедиций. В 1882—1883 гг. он вместе с топографом П. Е. Косяковым первым достиг и исследовал Дарваз и Шугнан в экспедиции, снаряженной РГО и Петербургским Ботаническим садом. Результатом этой поездки был не только сбор ботанических, энтомологических коллекций и географо-топографических данных, но и этнографические наблюдения. Тогда же, видимо, он собрал и отправил в Петербург этнографические предметы и коллекцию минералов. Эта экспедиция проходила в особенно трудных условиях, что сильно подорвало здоровье исследователя¹⁴.

В 1884 г. вместе с топографами Л. Синицыным и Даниловым (инициалы неизвестны) И.-А. Э. Регель совершил поездку в Мерв и Восточную Бухару. Вскоре после этого путешественник вернулся в Петербург.

В 1937 г. в МАЭ из Ботанического института АН СССР были переданы три коллекции различных предметов материальной культуры, собранные И.-А. Э. Регелем в 1876—1880 гг. в Самарканде¹⁵ и у горных таджиков Бальджуана¹⁶.

В числе собирателей музея были и люди купеческого сословия, как, например, купец-меценат из г. Рыбинска Петр Ильич Гундобин (1837—1871), член-сотрудник Русского Географического общества. Он систематически присылал коллекции вещей, и имя его было хорошо известно в РГО и Археологическом обществе¹⁷. В 1864 г. П. И. Гундобин по ходатайству РГО был награжден серебряной медалью, так как наиболее активные дарители получали специальные поощрения.

Коллекции П. И. Гундобина и ныне хранятся в разных отделах МАЭ, в том числе и коллекция 1862 г. — обувь так называемого

«оседлого населения» Средней Азии. Сохранилась этикетка собирателя: «Пара персидских вышитых шелковых сапогов, составляющих обувь женщин». После передачи коллекции в 1907 г. из РГО в МАЭ ее регистратор Л. Я. Штернберг определил вышивку на этих сапогах из белой бараньей кожи также как персидскую и отнес их к предметам прикладного искусства сартов Туркестана. По утверждению сотрудницы отдела ираниста А. Л. Троицкой, образцы сапог, покрытых вышивкой растительного орнамента по бархату, вовсе не встречались в Западном Туркестане. По предположению знатока среднеазиатского орнамента С. М. Дудина, такие сапоги могли быть кашгарскими¹⁸.

* * *

Важным событием в жизни МАЭ стало поступление в 1874 г. первых иллюстративных материалов по оседлому населению в составе фотографического «Туркестанского альбома», который больше известен как «Альбом Кауфмана»¹⁹. Полное название альбома звучит так: «Туркестанский альбом по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана 1-го составил А. Л. Кун». В фондах МАЭ имеется сборный том альбома, в который вошли фотографии из этнографического и промыслового томов этого издания. Снимки выполнены фотографом Н. Нехорошевым в 1871—1872 гг. В настоящее время восстановить историю передачи альбома в музей не представляется возможным, так как значительная часть поступлений иллюстративного фонда, в том числе фотографических документов, не фиксировалась в коллекционных описях.

«Туркестанский альбом» был посвящен культуре населения «завоеванной и присоединенной к России Сыр-Дарьинской области и Заравшанского округа». В разделе «Типы народностей Туркестанского края» показаны мужские и женские портреты представителей народов, населявших край, в традиционных, преимущественно праздничных костюмах, среди них таджики и афганцы. Составитель альбома А. Л. Кун, интересовавшийся языком ягнобцев, первый высказал предположение о том, что они являются потомками согдийцев. По его мнению, фотофиксация давала возможность сравнить,

насколько в антропологическом плане «ягнаубский тип» отличен от «таджикского». Фотограф запечатлел ягнобца и иранца.

Историческую ценность представляют уникальные фотографии «Заравшанского округа» с видами Самарканда, которые входят в сборный том альбома. Кадры знаменитых архитектурных сооружений занимают особое место. По изображениям величественных зданий можно проследить, как с тех пор изменился облик города. Серия снимков «Заравшанский округ. Самарканд и его уличные типы» в виде отдельных сценок иллюстрирует повседневную жизнь города в первые годы после завоевания его русскими войсками. На них запечатлены бытовые стороны жизни горожан, старых и молодых мужчин начала 1870-х годов: лавки мелочных торговцев, базары. На кадрах представлено кустарное производство: отдельные промыслы, в том числе забытое ремесло починщиков битой посуды, чья искусная работа с использованием мелких скобок и заклепок вызывала восхищение у русских путешественников, отмечавших, что миски, чайники и пиалы после ремонта выглядели как новые. На снимках запечатлен сплав леса по реке, представлены отдельные предметы утвари, продемонстрировано приготовление некоторых традиционных блюд, зафиксирован ряд обычаев, народных развлечений (праздники Курбан-байрам, Рамазан), увеселения в чайхане с музыкантами и плясками мальчиков-бачей.

Не осталась без внимания тема традиционного образования. Страница-картон альбома с пятью фотографиями называется «Мусульманская школа». Вокруг учителя под открытым небом у стены дома расположились ученики. Один ученик и его учитель склонились над книгой и водят по строчке пальцами. На другой фотографии два мальчика старательно выводят буквы палочками, обмакивая их в чернила, на уроке чистописания. Выраженный постановочный характер носит сцена «Наказание»²⁰.

Отдельные картоны альбома посвящены Ката-Кургану, Ура-Тюбе, Ташкенту, Ходженту, Казалинску. На них изображены как достопримечательности городов, так и их жители. Особая значимость этих фотоматериалов состоит в том, что многие постройки, зафиксированные на снимках, не сохранились до настоящего времени. Дополняют «Туркестанский альбом» пейзажные мотивы, которые знакомят с характером местности.

Таким образом, изображения сборного тома «Туркестанского альбома» по тематике можно разделить на несколько групп: виды городов, архитектурных памятников, портреты представителей разных народов, населявших Сырдарьинскую область, жанровые сценки.

В 1924 г. в фотолаборатории МАЭ была выполнена коллекция стеклянных негативов с подлинных негативов альбома, которые в то время хранились в Публичной библиотеке Ленинграда²¹. Эта коллекция стала дополнением к тому «Туркестанского альбома», хранящемуся в музее.

В коллекцию 1924 г. входят негативы антропологических типов, серия изображений по религиозным обычаям и обрядам таджиков (ремесленные, свадебные, женские), а также традиционным занятиям оседлого населения. На негативах, связанных с земледелием, показаны орудия труда, процесс обработки зерна (молотьба, мельницы и толчеи местной конструкции).

Значительная часть негативов представляет различные виды промыслов, ремесел и торговли. Многие лавки в то же время были мастерскими (шорная, токарная, кузнечная, сапожная и др.), в которых продавались производимые там товары. В разделе, посвященном арбяному ремеслу, показаны два вида арбы: кокандская и бухарская, — этапы выделки их составных частей, сборка. Часть материалов коллекции связана с обработкой и использованием такого строительного материала, как камыш. Он шел на плетение крыш, заборов, разнообразных циновок, которые находили применение в хозяйстве. В числе изображений показана работа гончара по изготовлению печей, домашней глиняной утвари. Станок, на котором работал мастер, по конструкции напоминал инструмент, на котором трудились русские мастера.

Широкое распространение у местного населения имела металлическая посуда из красной и желтой меди, которая также представлена на негативах коллекции 1924 г. Среди снимков промыслов и ремесел хранятся изображения свечного, мыловаренного, маслособойного и пекарного производств, приготовления нюхательного табака, выделки кож рогатого скота, работы кузнецов и литейщиков, продажа их изделий. В числе предметов из железа и меди показаны инструменты ремесленников. Состав их довольно беден, и очевидно, что

для изготовления поделок от мастера требовались терпение и затрата большого количества времени.

Часть негативов посвящена таким традиционным занятиям населения, как ткачество, хлопчатобумажное производство, обработка шелка, шерсти и ковроделие. В большинстве случаев показаны работающие мужчины, хотя по литературе известно, что это были домашние виды ремесел и занимались ими чаще всего женщины. Но когда изделия производились в промышленных количествах и шли на продажу, то часто этим занимались мужчины.

Некоторое количество фотографий связано с народным театром, показаны артисты труппы *маскарабозов*. Общественная жизнь населения освещена на снимке «Сбор податей».

В 1958 г. по заказу МАЭ было изготовлено более 300 отпечатков с некоторых подлинных стеклянных негативов «Туркестанского альбома», хранившихся в Институте истории материальной культуры²². Они дополнили сборный том альбома, как и негативы 1924 г.

Фотографии коллекции 1958 г. можно сгруппировать по темам: портреты мужчин и женщин с показом традиционного костюма и снимки, связанные с занятиями (сельское хозяйство, ремесла и торговля). Из многочисленных видов традиционных ремесел представлены снимки различных этапов обработки хлопка, шелка, кустарного ткачества, выделки кожи, сапожного дела, металлообработки (чугунно-литейного производства и выделки медных изделий), изготовления камышовых циновок, плетения нагаек, деревообработки, шорного, табачного ремесла, выделки гончарами печей-*тануров*.

Почти каждый вид ремесел сопровождается снимком набора инструментов мастера. Значительное количество фотографий занимают изображения типов торговцев различными товарами, в том числе продуктами питания и готовыми изделиями. На ряде кадров собраны в композиции предметы домашней утвари (металлическая, деревянная и керамическая посуда). Отдельные фотографии демонстрируют бытовые сцены, эпизоды общественной жизни: суд, некоторые религиозные обряды, обучение в начальной школе, местные транспортные средства. Группа фотографий зафиксировала некоторые традиционные праздники, развлечения и увеселения (чайхану, группу мужчин, занятых игрой в кости, детей на каруселях, выступления местных артистов и музыкантов).

Большая часть фотографий «Туркестанского альбома» носит постановочный характер, нередко они выполнялись в студии, в некоторых случаях с использованием искусственного фона. Но авторами издания были востоковед и профессиональный фотограф, которые стремились к максимально точной и достоверной фиксации, представленной в альбоме в виде обширного комплекса визуальных материалов, дополняющих друг друга. Еще одним несомненным достоинством альбома является превосходное, в некоторых случаях высокохудожественное качество снимков.

«Туркестанский альбом», разнообразный по тематическому составу (пейзажи, виды городов, этнографические типы и жанровые сцены, портретная и архитектурная фотография), имел огромное историко-культурное и художественное значение. Создание небольшого количества экземпляров альбома сделало его библиографической редкостью уже с момента создания. Альбом можно рассматривать и как фотографическое наследие XIX в., отражающее живую историческую действительность, и как музейный раритет, характеризовавший один из этапов становления отечественной фотографии. Снимки «Туркестанского альбома» представляют собой самостоятельный историко-культурный источник, способный наглядно донести до нас реалии прошлого. Фотоматериалы «Туркестанского альбома» вошли в «золотой фонд» собрания МАЭ.

Тесно связан с судьбой тома «Туркестанского альбома», с историей его поступления в МАЭ фотоальбом с картин и рисунков художника В. В. Верещагина. Судя по тому, что отдельно альбом В. В. Верещагина как самостоятельная коллекция не упоминается в музейных документах, он поступил одновременно с томом «Туркестанского альбома». Картонные страницы альбома с фотографиями с рисунков и картин художника, который называется «Туркестан. Этюды с натуры В. В. Верещагина, изданные по поручению Туркестанского генерал-губернатора на высочайше дарованные средства. 26 листов с 106 рисунками. Санкт-Петербург. 1874», вложены в папку сборного тома «Туркестанского альбома». Таким образом, вместе хранятся два фотоальбома — «Туркестанский альбом» и В. В. Верещагина. Сначала идут материалы первого, затем — второго.

Альбом В. В. Верещагина известен в двух вариантах. Под названием «Русский Туркестан» он был издан в виде книги большо-

го формата. Он также существовал в виде альбома, состоявшего из отдельных листов, вложенных в папку, под названием «Туркестан». Именно такой альбом хранится в МАЭ. Тематически он связан с «Туркестанским альбомом», и, возможно, поэтому оба издания были зарегистрированы как одна коллекция под одним номером²³. В описи двух альбомов сплошная нумерация. После фотографий «Туркестанского альбома» (с № 117) следует перечень снимков с рисунков и картин В. В. Верещагина. Вместо титульного листа с типографским текстом в альбом художника вложен лист белой бумаги и на нем от руки переписано его название и указано, что фотоальбом «Туркестан» состоит из 26 листов, которые содержат 103 изображения. В действительности в нем 24 картона и 106 изображений. По размерам картоны альбома фотографий с рисунков В. В. Верещагина соответствуют «Туркестанскому альбому».

В. В. Верещагин отправился в Туркестан в 1867 г. По просьбе К. П. Кауфмана военный министр Д. А. Милютин ходатайствовал перед Александром II о командировании художника на два года для подготовки картин из жизни Туркестанского края. Отчетом о работе по официальному заданию и стал фотоальбом «Туркестан», который хранится в МАЭ.

В альбоме собраны фотографии с рисунков — портреты представителей разных народов Средней Азии и Казахстана, мужчин и женщин, в том числе таджиков, персов, афганцев. На этих рисунках, если это поясные портреты, показаны головные уборы мужчин, прически и украшения женщин. На рисунках мужчины изображены в большинстве случаев в чалмах. Художник обратил внимание на разную манеру накручивания и ношения этого головного убора.

В. В. Верещагин сумел точно передать антропологические особенности, присущие тому или иному народу. На одном рисунке таджичка изображена в головном платке, повязанном низко на лбу. Ее традиционная прическа представляла собой рассыпанные сзади по спине и плечам косы, у ушей выпущены вьющиеся пряди волос. Сартянку, так же в платке, художник передал с монголоидными чертами лица, остриженные пряди волос прямые.

В фотоальбом В. В. Верещагина входят репродукции картин «Дворик дома в Самарканде» и знаменитые «Нищие в Самаркан-

де» и «Диваны (дервиши)», которые вызвали своим образом жизни и живописностью нарядов особый интерес художника. Остальной материал альбома — это изображения местных достопримечательностей, памятников архитектуры, караван-сараяв.

Произведение В. В. Верещагина «Мечеть Шахи-Зинда в Самарканде», созданное по впечатлениям 1867 г., наиболее раннее изображение иллюстративного фонда МАЭ всемирно известного архитектурного памятника. Репродукция с картины является важным историческим документом, который сохранил облик части комплекса доколониального периода.

Возвращаясь к истории формирования иллюстративного фонда отдела Центральной Азии МАЭ, продолжим рассмотрение редких фотоальбомов, связанных с участием К. П. Кауфмана в культурно-просветительской деятельности.

Кроме тома «Туркестанского альбома» и альбома репродукций В. В. Верещагина, составленных по распоряжению первого Туркестанского генерал-губернатора, в МАЭ хранится фотоальбом «Типы народностей Средней Азии», выполненный фотографом В. Козловским в Ташкенте²⁴. Альбом В. Козловского был подготовлен для Третьего международного конгресса ориенталистов в Петербурге 1876 г. Фотоальбом В. Козловского был подносным, в записке, вложенной в него, было написано от руки тушью черного цвета, что альбом доставил К. П. Кауфман для собственной библиотеки императора 6 сентября 1877 г.

Альбом состоит из черно-белых фотопортретов. На каждую из его страниц, изготовленных из плотного картона, наклеено по два поясных портрета, снятых в двух ракурсах, в фас и профиль. Большая часть народов представлена в альбоме снимками как мужчин, так и женщин. В некоторых случаях показано по два человека, мужчин и женщин, разных по возрасту.

В альбоме «Типы народностей Средней Азии» фотопортреты двух сартов и трех сартянок, по два мужских и женских портрета таджиков, молодых и старых, из таджиков выделены снимки разных по возрасту каратегинцев, а также фотография афганца.

Обычно на изображениях местное население показывали в традиционных костюмах и головных уборах. В альбоме «Типы народно-

стей Средней Азии» во многих случаях головные уборы отсутствуют. Кроме фрагментов одежды на поясных портретах продемонстрированы бытовавшие прически и украшения.

Издание «Туркестанского альбома», о котором шла речь ранее, нашло широкое одобрение у современников, но одним из его недостатков считалась демонстрация людей в праздничном виде: «Для специально антропологических исследований альбом собственно не представляет материала, потому что в большей части случаев головы покрыты чалмами и шапками»²⁵. Авторы рецензий высказывали пожелания видеть снимки представителей местного населения нагими и полунагими, чтобы получить представление об их телосложении, а портреты еще и в профиль. По всей видимости, с учетом высказанных замечаний был выпущен фотоальбом «Типы народностей Средней Азии».

* * *

Продолжая изучение истоков формирования коллекционного фонда, необходимо отметить в числе первых собирателей коллекций МАЭ по ираноязычным народам Средней Азии Сергея Михайловича Смирнова. От него в 1880 г. поступила модель колыбели сартов *гавора* с сопутствующими принадлежностями²⁶. Первоначальная опись коллекции была составлена Е. Петри лишь в 1901 г. на основе сохранившихся этикеток собирателя. Поэтому сегодня восстановить сложную судьбу этого экспоната не представляется возможным. В советское время опись дополнила востоковед А. Л. Троицкая, затем А. В. Моторин и Ф. Д. Люшкевич.

Модель колыбели повторяла мельчайшие детали настоящей. Она была деревянной, со стенками в виде плоской дуги. В дощечке, которая служила дном, имелось отверстие для горшочка. В люльке находится постель — тюфяк, набитый просом, с круглым вырезом и деревянным горшочком в виде цилиндра с трубочкой, два одеяла, верхнее и нижнее на матрас с прорезанной дырой, подушка и две полосы плотной ткани для припеленывания ребенка к люльке. Кроме того, в колыбели лежали две деревянные куклы, одна поменьше, другая побольше, изготовленные в среднеазиатской манере из двух палочек.

По сведениям описи, такие игрушечные колыбели выделявали те же мастера, которые делали и настоящие. А. Л. Троицкая высказала предположение, что модель колыбели с принадлежностями была выполнена по специальному заказу, поскольку игрушки почти никогда не снабжали полным комплектом сопутствующих предметов. Этому же мнению придерживалась известная иранистка Е. М. Пещерева²⁷.

В результате архивных и литературных изысканий удалось выяснить, что С. М. Смирнов был ботаником и участвовал в известной Амударьинской экспедиции. В 1874 г. Императорское Русское географическое общество организовало Комиссию для обсуждения вопросов, связанных с исследованием только что присоединенной области по правому берегу Нижней Амударьи. Амударьинская экспедиция под начальством полковника Н. Г. Столетова состоялась при активной поддержке великого князя Николая Константиновича и стала первой большой русской научной экспедицией в Среднюю Азию. С. М. Смирнов работал в отделе естественно-исторических знаний (зоологических, ботанических и геологических) Амударьинской экспедиции.

В 1878 г. С. М. Смирнов был членом экспедиции академика А. Ф. Миддендорфа в Ферганскую долину, позже возглавлял Комиссию по борьбе с песками в Фергане. В 1882 г. он совершил поездку по Бухаре. К этому времени С. М. Смирнов уже приобрел известность своими ботаническими исследованиями в Средней Азии. До настоящего времени сохранились подлинные этикетки собирателя коллекции 1880 г. с автографом С. М. Смирнова.

Согласно краткой атрибуции музейной документации, именно эту вещевую коллекцию можно считать одной из самых ранних из дошедших до наших дней по рассматриваемой теме.

Подлинная деревянная люлька оседлого населения поступила в музей в составе коллекции 1892 г. от ориенталиста, дипломата, публициста, государственного деятеля и коллекционера князя Эспера Эсперовича Ухтомского (1861—1921). Собиратель много внимания уделял сбору материалов, характеризовавших различные стороны культуры таджиков, в том числе и по традиционному народному воспитанию. Важность сбора сведений об обстановке детской жизни Э. Э. Ухтомский подчеркнул наличием в составе его коллекции

колыбели. Позже этот предмет привлек внимание этнографа и естествоиспытателя Карла Карловича Гильзена, с 1911 г. работавшего в МАЭ, а затем заведовавшего отделом Южной Америки музея.

В 1920-е годы К. К. Гильзен передал в музей коллекцию снимков превосходного качества по разным народам²⁸. В описи коллекции был выделен раздел «Снимки с моделей детских колыбелей разных народностей». В него вошли изображения модели «люльки сартов с мочильными снарядами для детей обоого пола», привезенной С. М. Смирновым в 1880 г., и «мочильных снарядов, вставляемых снизу в люльку сартов для стекания мочи, два для мальчиков и для девочек». В этой же коллекции содержится отпечаток «люльки сартов с мочильными снарядами» из собрания Э. Э. Ухтомского (рис. 1).

На деревянной перекладине, соединяющей спинки колыбели *gavora* из коллекции Э. Э. Ухтомского, сделаны вращающиеся кольца для игр лежащего ребенка. В дне люльки вырезано шестиугольное отверстие. Входящий в комплект колыбели горшок *тувак*, выполненный из обожженной глины с поливой внутри, имеет форму крынки с венчиком, благодаря чему крепко держался в дне люльки. По сведениям описи, *тувак* делали местные гончары и продавали вместе с остальной посудой. В комплект люльки вошли две мочеиспускательные деревянные трубки *сумак* для девочек и мальчиков.

В музее хранится черновая опись собирателя с его подписью, позже дополненная А. Л. Троицкой и Ф. Д. Люшкевич. В ней указано, что предметы коллекции Э. Э. Ухтомский купил в 1889 г. на базаре Самарканда. После революции 1917 г. в последние годы жизни исследователь был сотрудником Русского музея, Академии истории материальной культуры, Пушкинского дома. Э. Э. Ухтомский числился также в штате МАЭ и работал в Русском комитете для изучения Азии, деятельность которого была теснейшим образом связана с музеем²⁹. Возможно, поэтому Э. Э. Ухтомский во время своего среднеазиатского путешествия в 1889 г. занимался изучением истории, этнографии края и сбором коллекции для МАЭ.

На страницах своей книги Э. Э. Ухтомский размышлял о необходимости планомерного комплектования коллекционных фондов

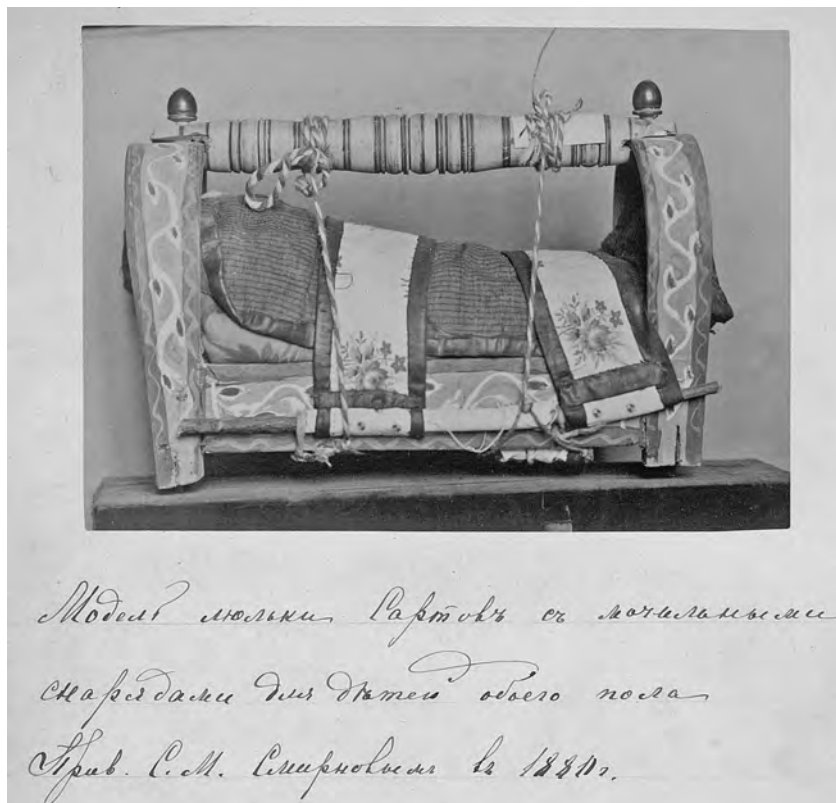

Рис. 1. «Модель люльки сартов с мочильными снарядами для детей обоего пола. Прив. С. М. Смирновым в 1880 г.»
К. К. Гильзен. МАЭ, колл. № 2810-7

музея по народам Среднеазиатского региона: «Мы дома обладаем главным образом такими вещами, которые не имеют прямого отношения к отечественной этнографии, например африканскими (от доктора Юнкера), австралийскими (от моряков и Миклухи-Маклая). Что касается ближайших, издавна непосредственно с нами соприкасающихся элементов нерусского происхождения, то о них академический специальный музей дает гораздо слабейшее представление»³⁰.

Э. Э. Ухтомский писал о необходимости комплектования музейных материалов по традиционной культуре: «К составлению их желательно приступить наивозможно скорее, иначе быт туземцев быстро видоизменится, и будет поздно сохранить о нем для потомства яркие, живые подробности»³¹. К наиболее важным сторонам изучения прошлого и настоящего края он относил орнаментику, резьбу, рисунки, малоизвестные в то время местные ремесла, особенно гончарство и ковроделие. Коллекционированию подлежали инструменты местных врачей, талисманы, косметические принадлежности, традиционные образцы меры веса и длины, музыкальные инструменты, предметы культа.

В коллекции Э. Э. Ухтомского образцы старинных головных уборов, шапка *тилпак*, шаххризьябские тубетейки *калток*, украшенные разноцветным вышитым узором. Шелковыми и шерстяными нитками вышит верх женской обуви — старинных шитых кожаных калош. А. Л. Троицкая при регистрации коллекции добавила, что обувь такого типа перестала бытовать у жителей Самарканда уже в конце XIX в.: «В литературе встречаются заметки, что в старое время обувь вышивалась, были даже специальные мастерские вышивальщиков-мужчин»³².

Э. Э. Ухтомский привез из Самарканда старинные принадлежности одежды. К коллекционированию народной одежды исследователь обратился неслучайно. Он наблюдал, как постепенно исчезают традиционные предметы обихода и стремился отобрать для коллекции разные варианты костюма: «Второе мирное завоевание края совершается быстрыми шагами. Туземный быт расшатывается и близок к постепенному разложению»³³.

Мужской костюм включал чалму из местной хлопчатобумажной ткани (по сообщению регистратора коллекции А. Л. Троицкой, такие чалмы обычно носили сельские жители и бедное население городов), полосатый *яхтак*, который надевали на голое тело, он служил халатом и рубахой, рубаху *курта* с горизонтальным разрезом горловины и штаны *изор*. В комплект женской одежды кроме обуви и шелковых штанов собиратель включил *фаранджу* зеленого, нехарактерного для Самарканда цвета.

Э. Э. Ухтомский отмечал необходимость изучения и коллекционирования музеями предметов местных ремесел, особенно гончар-

ного. Для МАЭ он приобрел два разных по форме керамических поливных подсвечника. В состав коллекции из Самарканда входят табакерки из тыквы-горлянки — *нос-каду* — искусственной формы, украшенные выпуклым геометрическим орнаментом. Табакеркам придавалась желаемая форма путем накладывания на тыкву во время роста деревянных пластинок с резьбой³⁴.

Инкрустированное костью деревянное седло с железными стременами, украшенными рисунком, продукцию седельщиков и кузнецов, лавочки-мастерские которых располагались на городских базарах, Э. Э. Ухтомский купил также в Самарканде.

Э. Э. Ухтомский известен прежде всего как знаток буддизма, собиратель предметов восточного искусства и значительной коллекции по ламаизму, которая хранится в Эрмитаже. Среди его многочисленных командировок особенно известно кругосветное путешествие 1891 г. с наследником престола. Поездка Э. Э. Ухтомского в Среднюю Азию 1889 г. представляет малоизученный эпизод его творческой биографии. Его коллекция по населению Самарканда выделяется тем, что является одной из наиболее ранних в МАЭ.

* * *

Одновременно с пополнением предметных коллекций в музей продолжали поступать материалы иллюстративного фонда. Одним из способов пополнения коллекций были дары от частных лиц (участников экспедиций, путешественников и др.).

Среди первых фотоколлекций МАЭ была коллекция 1886 г. «от Барщевского». В МАЭ от него поступили фотографии археологических предметов — глиняной утвари различных форм и орнаментации с разноцветной поливой, предметы из железа и меди из Сарайских развалин дворца Чингиз-хана, а также обломки архитектурного декора сооружений Самарканда, керамика и бронза из раскопок доктора И.-А. Э. Регеля в Кульдже³⁵. Любопытно, что почти одновременно в России работали два известных фотографа с фамилией Барщевский. На коллекционных снимках и в документах МАЭ не указаны инициалы их автора.

Фотограф Лев Семенович Барщевский, офицер русской армии, в 1890-е годы работал в Туркестане. В Самаркандском областном му-

зее хранится его археологическая коллекция. Он был известен также как один из корреспондентов газеты «Туркестанские ведомости».

Вероятнее всего, в коллекционном фонде музея хранятся снимки Ивана Федоровича Барщевского, члена-корреспондента Московского археологического общества. По оценке известного критика В. В. Стасова, И. Ф. Барщевский был «нашим отличным фотографом», который постоянно предпринимал «фотографические экскурсии из Ростова-Ярославского во все края нашего отечества, результатом чего являются 25 толстых томов великолепно исполненных снимков с замечательнейших созданий искусства»³⁶.

Фотограф посвятил снимкам коллекций музеев Академии наук отдельный многотомный альбом. В нем представлены преимущественно изображения предметов, относящихся к культуре калмыков, монголов, Золотой орды и сибирских народов. Фотографии археологических предметов из раскопок И.-А. Э. Регеля, которые хранятся в МАЭ, в этом альбоме И. Ф. Барщевского не представлены. Можно предположить, что автор изъезжал эти снимки из альбома с целью передачи в МАЭ.

Исключительно ценным приобретением для музея стала покупка в 1894 и 1897 гг. двух коллекций фотографий по разным народам, в том числе Средней Азии, у фотографа Н. Ордэ³⁷.

Снимки Н. Ордэ, посвященные Бухарскому ханству, наиболее ранние и наиболее полные фотоизображения жизни эмирата, который долгие годы сохранял свою изолированность от внешнего мира. Фотографии Н. Ордэ стали своего рода «открытием Бухары». Его снимки по народам Центральной Азии содержат редкую, порой уникальную информацию. Это касается изображений традиционной одежды, жилища, занятий, сельского, кочевого, а также городского ирано- и тюркоязычного населения³⁸.

В 1897 г. состоялась поездка в Среднюю Азию академика Карла Германовича Залемана (1849—1916), по определению академика С. Ф. Ольденбурга, первого общепризнанного знатока иранской филологии. Эта поездка была организована Археологической комиссией Академии наук в связи с экспедицией РГО в верховья Амударьи для исследования языка и быта горных народов. К сожалению, из его коллекции сохранилась лишь плетеная мышеловка³⁹.

Рис. 2. Лютче Я. Я. «Самарканд. На регистане».
Конец XIX в. МАЭ, колл. № 512-177

Известный востоковед академик барон В. Р. Розен в 1899 г. передал музею обширное собрание фотографий дипломата и коллекционера Я. Лютче по населению Ферганской области и Самарканду (рис. 2)⁴⁰.

* * *

Систематический сбор коллекций по этнографии народов Средней Азии в МАЭ начался лишь с 90-х годов XIX в., когда в 1894 г. его директором был назначен академик Василий Васильевич Радлов (1837—1918). Его заслугой стало содействие образованию в музее специального отдела мусульманских народов Средней Азии (с 1925 г. — отдел Передней и Средней Азии, с 1972 г., т. е. после раз-

деления этого отдела на два самостоятельных, — отдел Зарубежной Азии и отдел Средней Азии и Казахстана, в настоящее время — отдел Центральной Азии), в котором с течением времени стали сосредоточиваться соответствующие коллекции. В. В. Радлов организовал планомерное пополнение его фондов и способствовал обогащению азиатского собрания МАЭ.

Если первые этнографические коллекции по региону конца XIX в. поступали в музей случайно, эпизодически, то к началу XX в. произошли изменения. В этот период коллекции стали активно пополняться за счет научных экспедиций и командировок лиц, предварительно подготовленных к собирательской деятельности. В целях привлечения широкого круга лиц к научному собиранию этнографического материала при МАЭ были организованы систематические занятия по этнографии с демонстрацией музейного материала. Благодаря этому музей приобрел грамотных помощников на местах, которые обогащали его фонды. Кроме того, в 1898 г. в музее появился статус «корреспондента», и МАЭ стал пополняться коллекциями от многих лиц, живших в различных районах страны. В изыскания, которые проводил музей, включились любители-собиратели, среди них были и те, кто хорошо знал историю и этнографию края.

В 1903 г. известный коллекционер, этнограф, художник и фотограф Самуил Мартынович Дудин приобрел для МАЭ в Самарканде музыкальный инструмент⁴¹. Согласно первоначальной описи, составленной собирателем в 1903 г., он был назван «ривоб, струнный музыкальный инструмент».

В дополнении к описанию С. М. Дудина Н. П. Акимова-Малова, инструментовед, специально приглашенная в музей для научной регистрации непрофильных для МАЭ экспонатов, уточнила, что «рабаб — шестиструнный щипковый музыкальный инструмент афганского типа».

Благодаря помощи купца-антиквара Евгения Ивановича Александра музей пополнился собраниями экспонатов, в том числе и по народам Азиатской России⁴². В 1906 г. при посредничестве С. М. Дудина Е. И. Александр принес в дар музею коллекцию черепков расписной посуды с тисненым и резным орнаментом, куски облицовочных плит, а также кирпичей старинных мечетей Самарканда и его

окрестностей. Разнообразие форм посуды, красота и богатство орнамента, а также большой исторический период, который был представлен предметами этого собрания, побудили музей сделать покупки аналогичных собраний уже на собственные средства.

Существенную роль в пополнении МАЭ новыми вещами сыграл геолог Я. С. Эдельштейн. На основании устных объяснений собирателя сотрудники МАЭ в 1905 г. составили список предметов из Нагорной Бухары, среди которых были образцы шелковых вышивок на рукава, вязаные шерстяные узорчатые чулки и носки, характерные мужские деревянные башмаки «на острых каблуках и двух тупых», кожаная сумка для перевозки чайной посуды и другие предметы обихода⁴³.

В 1905 г. Б. Адлер зарегистрировал коллекцию дервишских предметов. Их обнаружили среди неатрибутированных старых затерянных вещей. При этом собиратель коллекции был неизвестен. Адлер предположил, что это вещи среднеазиатского происхождения. В эту коллекцию вошло несколько пар четок-браслетов дервиша, которые состояли из цилиндрических бус с ребристой поверхностью, нанизанных на красный шнур, а также четки из деревянных бус желтого цвета. Кроме них в составе коллекции была часть бляхи с пояса дервиша.

В 1907 г. из Геологического музея имени Петра Великого Академии наук передали в МАЭ предметы, присланные полковником корпуса военных топографов Гаспаром Аветиковичем Насибянцем, в том числе сосуды для жидкости (из Иски-Ташкента), выполненные из тыквы-горлянки, и тыквенные табакерки, приобретенные собирателем на базаре в Самарканде. Но не все вещи, видимо, были из Средней Азии, так как регистратор коллекции Геологического музея Толмачев (инициалы неизвестны) с удивлением зарегистрировал последний предмет так: «Кокосовый орех — оттуда же (?)»⁴⁴. А это могла быть заготовка для резонатора музыкального инструмента или для *каджюля* — кокосового сосуда-кошеля для нищенствующих дервишей.

Иван Иванович Рачинский принес в дар МАЭ в 1908 г. небольшую коллекцию, в которую вошли такие музыкальные инструменты, как смычковый гиджак, струнный щипковый тамбур, а также

наконечник копья дервиша⁴⁵. Он представляет собой железный трехзубец с насечками из белого металла. По утверждению регистратора коллекции К. В. Щенникова и Э. Г. Гафферберг, подобные копья употреблялись дервишами во время религиозных процессий.

Коллекция резных кожаных башмаков и цветных чулок была собрана в 1911 г. Андреем Карловичем Гольбеком в Восточной Бухаре, в районе хребта Петра Великого⁴⁶. Среди вещей находилась также пика или, вернее, наконечник пики с небольшим куском древка. Этот непонятный предмет не обратил бы на себя внимания, если бы не записка А. К. Гольбека. В ней собиратель сообщал, что эту пику ему подарил житель Душанбе Уор Махамед, большой любитель и знаток старинных бухарских вещей: «Коллекция его, как он сам мне говорил, — писал А. К. Гольбек, — находится в Гиссаре, где он проводит всю зиму. Пика эта принадлежала гиссарскому беку Ката-Беку». Рассказывали, что этот бек был очень сильным человеком. Например, он подобной пикой поднимал на воздух тигра. Подобные пики в старое время были в употреблении в таких бекствах и городах, как Гиссар, Бальджуан, Куляб, Денау. К 1911 г. пика насчитывала, по сведениям А. К. Гольбека, 120—130 лет. Сам А. А. Гольбек полностью сведениям душанбинского антиквара не доверял, но все их изложил. Во всяком случае, есть возможность представить, что у этого фрагмента пики есть своя история.

Особо отметим Витовта Давидовича Пельца, предлагавшего свою помощь «на поприще изучения края и коллекционирования», лесничего по профессии. Он принимал живое участие в деятельности Туркестанского кружка любителей археологии, отправлялся в командировки от МАЭ и присылал коллекции. Как отмечено известным историком Б. В. Луниным, В. Д. Пельц был одним из немногих среди проживавших на периферии лиц, кто выступал на заседаниях кружка со своими сообщениями о находках памятников древности, состоянии архитектурных сооружений, с проверкой по поручению кружка данных на месте⁴⁷.

Из письма 1909 г. В. Д. Пельца в МАЭ следует, что музей посылал ему деньги и заказы на покупку вещей. В письме собиратель пересылал дубликат накладной расходов на посылку, отправленную им из Самарканда, и счет на приобретенные для музея вещи. В состав

двух коллекций МАЭ, полученных от В. Д. Пельца, входила одежда сартов и горных таджиков⁴⁸. По поводу ее приобретения В. Д. Пельц сообщал в письме о трудностях покупки типичного и характерного костюма сартов, так как выбор материала в горных местностях, им посещенных, был крайне ограничен «ввиду бедности населения, а также наплыва русских изделий. В городах же, — писал он, — изделия из туземных материй почти не существуют больше».

Две коллекции В. Д. Пельца 1909 г., собранные для МАЭ, состояли кроме одежды из земледельческих орудий, образцов старинных фитильных ружей, а также деревянной утвари сартов и горных таджиков верховьев Зеравшана-Искандера. В 1913—1914 гг. от него из Самарканда поступили фотоколлекции⁴⁹ — видовые снимки, типажи, бытовые сценки из жизни таджиков Зеравшана и изображения археологической керамики из собраний известного археолога В. Л. Вяткина.

В 1913—1914 гг. В. Д. Пельц подарил музею три коллекции фотографий⁵⁰. Среди них есть изображения таджиков долины реки Зеравшан, артистов местного цирка.

В. Д. Пельц пересылал коллекции и вел переписку с администрацией музея. В конце одного письма он указал свой адрес: Самарканд, французские номера. По нему трудно предположить, было ли это постоянным местом жительства собирателя. За многолетнее плодотворное сотрудничество В. Д. Пельца с МАЭ кто-то из руководства музея на конверте его письма карандашом указал: «Написать благодарность».

В 1909 г. через кружок любителей этнографии, который действовал при МАЭ, в дар музею был получен от архитектора Николая Николаевича Щербина-Крамаренко редкий комплект-костюм дервиша и фотография с изображением группы дервишей Самарканда (рис. 3)⁵¹.

Сначала в регистрационной описи вновь поступившей коллекции, которую составлял специально приглашенный в те годы для музейной работы профессор, синолог Восточного факультета Петербургского университета А. И. Иванов, было указано, что происхождение этого костюма — Самарканд, сарты. Позже другой регистратор написал: «Термин, принятый первыми исследователями этого региона

Рис. 3. Н. Н. Щербина-Крамаренко. «Дервиши. Сарты. Самарканд». Конец XIX — начало XX в. МАЭ, колл. № 1487-15

по отношению к оседлому таджико-узбекскому населению, — «оседлое население Западного Туркестана»». Дополнял коллекцию текст, написанный арабским шрифтом.

Н. Н. Щербина-Крамаренко в 1895—1897 гг. побывал по заданию Академии художеств в командировках для изучения среднеазиатской архитектуры. Он опубликовал путевые заметки и записал со слов местных жителей одно из преданий⁵². Маршрут поездки Н. Н. Щербина-Крамаренко выбрал, как он сам писал, по местам сохранившихся мусульманских святынь, древних мечетей, мазаров, надгробных памятников и т. п. Через Голодную степь Н. Н. Щербина-Крамаренко проехал в Ташкент, Фергану, побывал в Самарканде, Намангане, Андижане, Узгене, Оше, Маргелане, Ходженте. Как отмечал исследователь, разъезжать ему пришлось, «замаскировавшись в местную шапку и халат», он мог даже объясняться по-узбекски.

Однако это не помогло, и в кишлаках женщины и дети распознавали в нем «уруса» и разбегались в стороны и прятались.

В Самарканде архитектор осмотрел все древние культовые постройки, которые ежегодно реставрировались под наблюдением русской администрации. Однако этого было недостаточно. Н. Н. Щербина-Крамаренко отмечал факты расхищения и налаживания промысла продажи богатой майоликовой и мраморной облицовки старинных зданий: «Нужно заметить, что расхищение памятников началось с появлением в Самарканде разных путешественников из России, а еще более из заграницы»⁵³.

Н. Н. Щербина-Крамаренко одним из первых европейцев посетил и составил подробное описание почитавшегося святого места в Средней Азии — мазара Сулейман-тау (Гору Сулеймана) или Тахт-и Сулейман (Престол Сулеймана, библейского царя Соломона), расположенного в центре древнего города Оша⁵⁴.

В 1896—1899 г. архитектор принимал участие в выполнении живописных изображений с мечетей Самарканда и Мерва по поручению Н. И. Веселовского.

* * *

Несмотря на то что в последнее дореволюционное десятилетие этнографическая работа в Средней Азии в значительной мере утратила прежний «военный» характер (военные действия давно прекратились), интерес к местному быту возбуждался все же, как и прежде, административными потребностями, отчасти просто научной любознательностью к быту чужого и экзотичного коренного населения.

Так, в дар МАЭ в 1918 г. поступили предметы быта из Припамирья, собранные в 1914 г. от начальника Памирского отряда подполковника Григория Андреевича Шпилько (1872—1936). Он был известен как исследователь озера Сарез, которое образовалось в результате сильного землетрясения февральской ночью 1911 г. на Памире, в его водах погибло много людей. Экспедиция Г. А. Шпилько посетила эти места осенью 1913 г. Результаты его исследований были опубликованы в «Известиях Русского географического общества»⁵⁵.

В музее хранятся две фотоколлекции по Самарканду и Бухаре, которые передал в музей в 1908 г. студент-медик, будущий академик Е. Н. Павловский⁵⁶. Одна коллекция состояла из стереоскопических снимков⁵⁷. Стереофотографии изготавливали небольшими по размеру. На одном паспорту по горизонтали помещались два одинаковых снимка, и смотреть их нужно было одновременно через специальное оптическое устройство, чтобы получилось объемное изображение. Это новшество в фотографии, столь популярное в начале XX в., в дальнейшем не получило широкого распространения (рис. 4).

В 1912 г. художник, фотограф и коллекционер С. М. Дудин передал музею большую коллекцию негативов (более 260 единиц)⁵⁸. Вместо описи к коллекции приложен «Каталог фотографических снимков с мавзолеев Шахи-Зинде. Снимки исполнены художником С. М. Дудиным в течение лета 1905 г. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Выставлены для обозрения в залах Императорской Академии наук. Санкт-Петербург. 1906 г.». История этой коллекции такова.

В 1895 г. востоковед профессор Н. И. Веселовский возглавил экспедицию для собирания материалов по описанию древних самаркандских мечетей. В ее состав входили художник С. М. Дудин, художники-архитекторы Н. Н. Щербина-Крамаренко, П. Н. Покрышкин, А. В. Щусев и фотограф Чистяков, которые должны были составлять описания и фотографировать архитектурные памятники Самарканда. Работы финансировала Археологическая комиссия. Рисунки и чертежи, относящиеся к Гур-эмиру, были выполнены П. Н. Покрышкиным и А. В. Щусевым, Биби-ханым — Н. Н. Щербина-Крамаренко и П. Н. Покрышкиным, а по Шахи-Зинде работы производились многими художниками. Фотографии были выполнены С. М. Дудиным и И. Ф. Чистяковым.

В последующие годы к работе этой историко-архитектурной экспедиции присоединились художники М. В. Печаткин, В. И. Быстринин, А. Д. Раевский, архитектор К. А. Романов. Долгие годы в собраниях МАЭ хранились археологически материалы из древнего городища, прародителя Самарканда — Афрасиаба. В 1930-е годы почти всю обширную коллекцию передали в Эрмитаж. В настоящее время в МАЭ осталось лишь несколько керамических предметов.

Рис. 4. Е. Н. Павловский. «Арк. Бухара».
Начало XX в. МАЭ, колл. № 1320-13

Одним из аспектов деятельности экспедиции Н. И. Веселовского было изучение, научная фиксация, охрана и создание научного проекта реставрации историко-архитектурных сооружений Самарканда. Первыми объектами изучения стали Гур-эмир и Биби-ханым. Работа предстояла очень большая и была рассчитана на несколько лет.

Задачей С. М. Дудина как художника-фотографа было научно и подробно фиксировать сохранившиеся от разрушений местные архитектурные памятники и их убранство: «Из местных “охранителей древности” никто не дал себе труд собрать те мозаики, какие имелись на барабане (площадь их по приблизительному расчету должна была равняться нескольким десяткам квадратных аршин!)»⁵⁹. Фотографированию подлежали все архитектурные детали. О трудоемкой и кропотливой работе в условиях жаркого летнего Самарканда свидетельствуют строки письма С. М. Дудина В. В. Радлову: «Перед съемкой я промываю те площади, которые плохо могут выйти из-за пыли и грязи, накопившейся на изразцах и мозаиках. Делаю я это всюду, куда только хватает моей лестницы»⁶⁰.

С. М. Дудин с помощью двух студентов Академии художеств делал общие и детальные снимки архитектурных сооружений. Боль-

шие деревянные двери, украшенные тонкой резьбой, которые находились в мечети Гур-эмир, уже поврежденные, в целях сохранения их от окончательной гибели перевезли в Петербург. В настоящее время они хранятся в Эрмитаже.

В 1905—1907 гг. по поручению Русского комитета по изучению Восточной и Средней Азии С. М. Дудин совершил еще две поездки в Самарканд. Наиболее плодотворным было лето 1905 г., когда он производил раскопки в мавзолеях Шахи-Зинде, собирал коллекцию по древней керамике для МАЭ и Этнографического отдела Русского музея и одновременно выполнял фотоснимки со старых архитектурных памятников. О большом объеме работ говорят строки письма С. М. Дудина В. В. Радлову: «Фотографирование мечетей идет полным ходом. Самая важная Мирза-Улугбек окончена. На нее ушло 170 снимков <...> После Ширдара и Тиля Кари я примусь за другие загородные мечети <...> После фотографирования с моим товарищем примусь за акварели <...> я успею выполнить все, что мною обещано Комитету»⁶¹.

В 1906 г. в залах Академии наук была организована выставка почти двухсот фотографий С. М. Дудина. Она вызвала большой общественный и научный интерес, о чем свидетельствуют отклики в печати и запросы библиотек на каталог выставки. Фотографии С. М. Дудина в полной мере фиксировали декоративные и архитектурные детали мавзолеев и мечетей Шахи-Зинде и заняли место «среди наиболее ценных собраний отдела изображений МАЭ»⁶². Именно каталог этой выставки вместо описи хранится в коллекции негативов, полученных музеем от С. М. Дудина⁶³. Работа экспедиции Н. И. Веселовского и его коллег, в том числе С. М. Дудина, была справедливо оценена научной общественностью как начало систематического изучения историко-архитектурных памятников Самарканда. В результате работы экспедиции были произведены обследования архитектурных памятников Самарканда и опубликованы художественные издания. Но, как писал В. В. Бартольд, «издание альбома требовало больших средств, которыми комиссия не располагала; до сих пор появился только один выпуск, вышедший в свет еще в 1905 г. и посвященный только одному зданию Гур-эмир, и это здание в нем далеко не исчерпано»⁶⁴.

В 1918 г. С. М. Дудин передал музею коллекцию стереонегативов, которые он выполнил в Самарканде среди оседлого населения⁶⁵. В коллекцию С. М. Дудина входят снимки бытовых сцен, уличных типов, мастерских ремесленников, торговых рядов, посетителей чайханы, дервишей на базаре, музыкантов, сюжетов, связанных с религиозными обрядами, и т. п.

В 1912 г. в музей поступила небольшая коллекция негативов по Бухаре от И. И. Умнякова, впоследствии видного ученого⁶⁶. В 1913 г. художник Б. Ф. Ромберг был специально командирован в Бухару для фотографирования мечетей и сбора этнографических предметов. Он передал в музей коллекцию негативов по Бухарскому ханству⁶⁷.

К этому же периоду можно отнести коллекцию художественно оформленных фотографий и стереонегативов от Н. С. Воронец. Она поступила в более позднее время, но отражает жизнь населения Бухары и Самарканда 1898—1902 гг.⁶⁸ У В. М. Иеромузо музей купил фотографии по Хиве, Самарканду и Бухаре⁶⁹.

Ряд фотографий и негативов, разных по тематике, в том числе и по Бухаре, от неизвестных собирателей под названием «Из старых поступлений музея» были зарегистрированы в послевоенное время⁷⁰.

* * *

В 1914—1916 гг. начинающий в те годы исследователь, а впоследствии крупнейший ученый востоковед-иранист И. И. Зарубин совершил уникальные по своим научным результатам экспедиции к народам Памира. Его поездка была организована Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях.

Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии много сделал для планомерного пополнения коллекций МАЭ по народам Средней Азии и Казахстана. В Бюро Комитета входили академик В. В. Радлов — председатель (позже — академик С. Ф. Ольденбург), академик В. В. Бартольд, профессора В. А. Жуковский и Л. Я. Штернберг. Материалы большого количества экспедиций, снаряженных Русским Комитетом, передавались главным образом в Азиатский музей и МАЭ.

Русский комитет не только руководил многочисленными поездками отечественных исследователей, но и способствовал сотрудничеству российских и зарубежных ориенталистов. В начале 1914 г. на одном из его заседаний рассматривалось предложение профессора Э. Сенара об организации совместной франко-русской экспедиции в припамирские области для лингвистических и этнографических исследований. Эта экспедиция открывала возможность новых областей исследований, например Припамирья, по которому почти не было собраний в фондах МАЭ. Коллекционные сборы в этом районе были поручены И. И. Зарубину.

Будучи студентом, И. И. Зарубин имел опыт полевой работы лишь в экспедиции Л. Я. Штернберга на Дальнем Востоке. Перед поездкой на Памир в 1914 г. он был проинструктирован о сборе нужных музею коллекций.

Экспедиция на Памир летом 1914 г. была совместной — И. И. Зарубина и Роббера Готье, видного французского ираниста и руководителя экспедиции. Предполагалось, что дальнейшие сборы коллекционных, этнографических и лингвистических материалов будут продолжаться еще два года.

В 1914—1916 гг. Зарубин привез обширные фотографические коллекции по горным таджикам, как называли в те годы многочисленные памирские народы. Только стеклянных негативов из коллекций И. И. Зарубина насчитывалось около 900 единиц.

В 1914 г. от И. И. Зарубина поступили две иллюстративные коллекции. Одна из них — коллекция негативов по горным таджикам, рушанцам⁷¹. Это были первые изобразительные материалы по народам Памира в собраниях музея. В них нашли отражение некоторые виды ремесел, жилище, хозяйственные постройки, материалы, связанные с обычаями и религией, народным орнаментом.

Вторая коллекция 1914 г., которую И. И. Зарубин передал музею, состояла из стереонегативов. Среди них снимки хозяйственной жизни населения (полевые работы, некоторые виды ремесел), предметов быта, средств передвижения, изображения, связанные с воспитанием детей, традиционными развлечениями⁷².

Летом 1915 г. И. И. Зарубин продолжил исследования на Памире, куда вновь отправился по поручению Русского комитета и где про-

вел полтора года. Из Нагорной Бухары он привез коллекцию стереонегативов (более 100 единиц)⁷³.

В 1915—1916 гг. И. И. Зарубин вновь работал по поручению Русского комитета на Памире, в Нагорной Бухаре. Из экспедиции молодой ученый привез большую коллекцию (более 500 единиц) стереонегативов из жизни горных таджиков, ваханцев, шугнанцев, ясинцев⁷⁴. Это собрание освещает почти все стороны культуры и быта местного населения: традиционные занятия (земледелие, сельскохозяйственные орудия, охота), ремесла (обработка, разбивание шерсти, ткачество), приготовление пищи (сбивание масла, сушка яблок), домашнюю утварь, типы, внешний и внутренний вид жилищных и хозяйственных построек, мужскую, женскую и детскую одежду, религиозные обычаи, народные праздники и развлечения.

В 1916 г. от И. И. Зарубина в МАЭ поступила коллекция из «Припамирья, Горной Бухары» по традиционной культуре «горных (припамирских) таджиков». В первоначальной описи, составленной собирателем в 1918 г., этническая принадлежность коллекции была указана «горные таджики», затем была сделана приписка карандашом «припамирские иранцы».

Через Зарубина музей получил четыре музыкальных инструмента. В сентябре 1914 г. исследователь передал этнографическую коллекцию по «горным таджикам» из «Припамирских стран, долина Бартанга, Рушана» (Ферганская область и Горная Бухара). В состав этого собрания вошел «*rabob* — шестиструнный музыкальный инструмент», приобретенный в с. Шуджанг на Бартанге⁷⁵. По замечанию собирателя, такой инструмент являлся работой мастера-специалиста — *усто*. Зарубин имел в виду, что если простые инструменты вроде флейты могли изготавливать сами пользователи, например пастухи, то такой сложный в техническом отношении инструмент делал специально обученный ремесленник.

В коллекцию Зарубина 1916 г. вошел также «*rabob* — шестиструнный музыкальный инструмент», привезенный собирателем также из с. Шуджанг на Бартанге⁷⁶. В советские довоенные годы сотрудница МАЭ А. Л. Троицкая сделала дополнение к описанию: «Ребаб. Таджикский струнный щипковый инструмент».

В эту же коллекцию вошел «рабоб десятиструнный» из с. Шуджанг на Бартанге⁷⁷. Шестнадцатиструнный «рабоб» из с. Шуджанг

на Бартанге, по замечанию собирателя, был «заимствован мастером из Кашгара <...> но рабоб определенно афганского типа»⁷⁸. В дополнении к описанию собирателя А. Л. Троицкая определила этот инструмент таджикским шестиструнным. Она назвала его так по шести основным струнам, не считая десять «созвучающих». Она отметила, что «инструмент такого же типа, как афганский, и подчеркнула, что происхождение его «Средняя Азия», «горные таджики».

Французский иранист Р. Готье, под руководством которого И. И. Зарубин работал во время своей первой экспедиции на Памир и у которого выучился методике сбора полевых материалов по языку, подарил музею небольшую коллекцию негативов по горным таджикам из районов Нагорной Бухары⁷⁹.

Благодаря сотрудничеству с музеем всех собирателей был создан первоначальный дореволюционный иллюстративный фонд по ираноязычному населению Средней Азии. В конце XIX — начале XX в. были заложены основы многочисленных собраний МАЭ, определены направления исследовательской деятельности. В последующие годы опыт собирательства музея приумножался, значительно увеличивая количество коллекций, как вещевых, так и иллюстративных.

Примечания

¹ Так, на обороте одной из фотографий, относящейся, по моему предположению, к началу XX в., но поступившей в МАЭ в 1946 г. и оформленной по музейным документам как коллекция по таджикам и узбекам Бухары и Самарканда, рукой, по всей видимости, собирателя М. Э. Воронец написано: «Улица в сартском Самарканде» (И-1179-87). Другая коллекция, «Из старых поступлений музея» (И-1294), относится к оседлому населению. Но зарегистрирована она была лишь в 1950 г., и потому ее этническая принадлежность обозначена как коллекция по узбекам и таджикам. По содержанию же снимки невозможно разделить по этим народам. И таких коллекций множество.

² Старчевский А. В. *Переводчик с русского языка на сартовский* (СПб., 1886).

³ Зарубин И. И. Список народностей Туркестанского края. *Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России* (Л., 1925), с. 14—15.

⁴ Абашин С. Н. *Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии (проблема «сартов» в XIX—XXI в.)* (М., 2009).

⁵ Станюкович Т. В. *Этнографическая наука и музеи* (Л., 1978), с. 18.

⁶ *Museum imperialis Petropolitani. Typus Academiae Scientiarum*, II (Petropolitanae, 1741), p. 205.

⁷ Шафрановская Т. К. Первый хранитель МАЭ Ф. К. Руссов. *Сборник МАЭ*, XXXV (1980), с. 198.

⁸ Russow Fr. *Beitrage zur Geshichte der ethnographischen-antropologischen Sammlung der Keiserlichen Academie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. Там же*, I (1900), с. 26.

⁹ *Императорская Академия наук 1889—1914*. Т. II: *Материалы для истории академических учреждений за 1889—1914 гг.* (Пг., 1917), ч. I, с. 15.

¹⁰ *Архив Российской Академии наук* (Санкт-Петербург), ф. 142, оп. 1 — до 1918 г., № 50, л. 24—25, 35.

¹¹ *Там же*, л. 73.

¹² МАЭ, колл. № 148.

¹³ Семенов-Тянь-Шанский П. П. *История полувековой деятельности ИРГО* (СПб., 1896), с. 777.

¹⁴ Маслова О. В. *Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию*. Ч. 4: 1881—1886. (Ташкент, 1971), с. 29.

¹⁵ МАЭ, колл. № 5649.

¹⁶ МАЭ, колл. № 5551.

¹⁷ *История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования (1846—1896)* (СПб., 1900).

¹⁸ МАЭ, колл. № 1208-1 (2).

¹⁹ МАЭ, колл. № И-674.

²⁰ МАЭ, колл. №№ И-674-67—71.

²¹ МАЭ, колл. № 3009.

²² МАЭ, колл. № И-1718.

²³ МАЭ, колл. № И-674.

²⁴ МАЭ, колл. № И-2205.

²⁵ Лерх П. О Туркестанском фотографическом альбоме. *Известия Императорского русского географического общества*, X/2 (СПб., 1874), с. 99.

²⁶ МАЭ, колл. № 111.

²⁷ Пещерева Е. М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков. *Сборник МАЭ*, XVII (М.; Л., 1957), с. 58—59. В опубликованном «Каталоге коллекций отдела Средней Азии и Казахстана» данная колыбель была зарегистрирована в разделе «Игры, игрушки», потому что из-за отсутствия соответствующих коллекций не была выделена рубрика «модели»: Брон-

никова О. М., Вишневецкая В. А. Каталог коллекций отдела Средней Азии и Казахстана. *Там же*, XLIII (Л., 1989).

²⁸ МАЭ, колл. № 2810.

²⁹ В 1903 г. согласно постановлениям международных конгрессов ориенталистов был учрежден Международный союз для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношениях. Он имел местные комитеты в отдельных странах. Центральным комитетом был признан Русский комитет. Многие командированные Русским комитетом лица получали инструкции и подготовку в музее.

³⁰ Ухтомский Э. *От калмыцкой степи до Бухары* (СПб., 1891), с. 91—92.

³¹ *Там же*, с. 95.

³² МАЭ, опись колл. № 219, с. 6.

³³ Ухтомский *Указ. соч.*, с. 97.

³⁴ Сухарева О. А. К истории художественного ремесла в Узбекистане. *Сборник МАЭ*, XIV (М.; Л., 1953).

³⁵ МАЭ, колл. № 166. О нем и его коллекциях в МАЭ см.: Прищепова В. А. *Коллекции заговорили* (СПб., 2000).

³⁶ Стасов В. В. Трон хивинских ханов. *Вестник изящных искусств*, IV/1 (1886), с. 406.

³⁷ МАЭ, колл. №№ 255, 1403.

³⁸ Прищепова. Бухара в фотоколлекциях Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН. *Иран-наме*, 4 (Алма-Ата, 2009), с. 213—242.

³⁹ МАЭ, колл. № 386.

⁴⁰ МАЭ, колл. № 512.

⁴¹ МАЭ, колл. № 779-1 а, б.

⁴² МАЭ, колл. №№ 1054, 1116.

⁴³ МАЭ, колл. № 954.

⁴⁴ МАЭ, колл. № 1081.

⁴⁵ МАЭ, колл. № 1322.

⁴⁶ МАЭ, колл. № 1905.

⁴⁷ Лунин Б. В. *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане* (Ташкент, 1958), с. 51.

⁴⁸ МАЭ, колл. № 1473, 3028.

⁴⁹ МАЭ, колл. № 2122, 2301, 2302.

⁵⁰ МАЭ, колл. № 2122, 2301, 2302.

⁵¹ МАЭ, колл. № 1487.

⁵² Щербина-Крамаренко Н. Н. По мусульманским святыням Средней Азии (путевые заметки и впечатления). *Справочная книжка Самаркандской области*, IV (1896).

- ⁵³ Там же, с. 60.
- ⁵⁴ Там же, с. 53.
- ⁵⁵ Подробнее см.: Прищепова. *Коллекции заговорили*, с. 54—59.
- ⁵⁶ Подробнее о Е. Н. Павловском см.: Резван М. Е. Ранний список Корана из собрания МАЭ. *СМАЭ*, ЛП (СПб., 2006), с. 167—168.
- ⁵⁷ МАЭ, колл. № 1320, 1321.
- ⁵⁸ МАЭ, колл. № 1966.
- ⁵⁹ *Архив Российской Академии наук* (Санкт-Петербург), ф. 177, оп. 2, № 102, л. 3 об.
- ⁶⁰ Там же, ф. 148, оп. 1, № 50, л. 41 об.
- ⁶¹ Там же, л. 38 об.
- ⁶² Там же, ф. 142, оп. 1, № 45, л. 10.
- ⁶³ МАЭ, колл. № 1966.
- ⁶⁴ Бартольд В. В. Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки. *Записки Восточного отделения русского археологического общества*, XXV (1921), с. 351.
- ⁶⁵ МАЭ, колл. № 2696.
- ⁶⁶ МАЭ, колл. № 2020.
- ⁶⁷ МАЭ, колл. № 2258.
- ⁶⁸ МАЭ, колл. № И-1179.
- ⁶⁹ МАЭ, колл. № 2805.
- ⁷⁰ МАЭ, колл. № И-1294.
- ⁷¹ МАЭ, колл. № 2371.
- ⁷² МАЭ, колл. № 2372.
- ⁷³ МАЭ, колл. № 2499.
- ⁷⁴ МАЭ, колл. № 2621.
- ⁷⁵ МАЭ, колл. № 2352-109 а—в.
- ⁷⁶ МАЭ, колл. № 2674-158 а, б.
- ⁷⁷ МАЭ, колл. № 2674-159.
- ⁷⁸ МАЭ, колл. № 2674-160.
- ⁷⁹ МАЭ, колл. № 2860.